

Александр Игоревич Белогоров

Черный фотограф

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=648825
Черный фотограф: Эксмо; М.; 2011
ISBN 5-699-13130-2

Аннотация

Не видать Лешке летних каникул как своих ушей! Это ж надо, сломать ногу, упав на ровном месте! Теперь он точно все лето просидит дома с загипсованной ногой... Но мальчишке кажется, что его вынужденное заточение не случайно – кто-то намеренно приковал его к постели. А тут еще эта фотография... Когда Лешка смотрит на свое фото, сделанное как раз в тот день, когда он сломал ногу, то почему-то думает: дни его сочтены... Не нравится Лешке этот снимок. И сам фотограф тоже не понравился. От этого черного господина веяло могильным холодом... Но не один Лешка вынужден сидеть дома. Все его одноклассники, получившие снимок загадочного фотографа, тоже больны и медленно угасают...

Содержание

Глава I	4
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Белогоров

Черный фотограф

Глава I

Сломанная нога

Алешкина мама всегда обожала фотографии. Дома у них, как смеялся папа, все стены были ими завешаны. И действительно: увеличенные фото их самих, родственников и каких-то далеких предков занимали много места. А уж если к ним домой приходили гости, то их не отпускали до тех пор, пока они не просмотрят несколько фотоальбомов.

Алешке было, в общем-то, все равно. Ну что ж: увлечение как увлечение. По крайней мере, безобидное. Не то что у некоторых! Например, у Вовки, одного из его одноклассников, родители были просто помешаны на огороде, и ему приходилось постоянно помогать им на грядках. Но сейчас, когда Алешка был вынужден целыми днями сидеть дома (да даже не сидеть, а лежать в постели), все эти фотопортреты на стенах начинали его раздражать. Особенно его собственное фото, которое обрело свое законное место на стене совсем недавно.

Казалось бы, фото как фото, ничего особенного. Алешка и сам не понимал, что это он прицепился к снимку. Вроде бы и получился он там хорошо, и сделано все качественно. Стоит он там в полный рост, улыбается. Но вот чем больше он в него вглядывался, тем сильнее ему что-то в нем не нравилось. Конечно, когда лежишь со сломанной ногой, да еще в самый разгар долгожданных каникул, раздражать может все, что угодно. Особенно когда представишь, что, будь ты чуть поосторожнее, был бы сейчас таким же здоровым и жизнерадостным, как на снимке...

Может, все дело было в рамке? Она была деревянной, тяжеловатой и выглядела как-то по-старомодному. К такой рамке подошел бы портрет какого-нибудь солидного прадедушки, а не мальчишки! Но что делать! Мама была в восторге не только от фото, но и от рамки, так что Алешка не стал выдавать своих чувств, чтобы ее не огорчать. Рамка была сделана из дерева, которое, казалось, все было покрыто мелкой сеточкой из каких-то черточек. Алешка с удовольствием заменил бы эту рамку на какую-нибудь более современную, но рамка с фото составляли как бы единое целое. Она была подогнана столь искусно, что было даже совершенно непонятно, как можно ее вскрыть и как вообще в нее умудрились вставить снимок.

Алешка подумал, что, быть может, невзлюбил этот портрет потому, что ногу он сломал как раз после того, как снимок появился в доме. И, можно сказать, еще повезло, что дело ограничилось только ногой. Хорошо еще, что шею не сломал! И где! На лестнице, рядом с собственной квартирой! Каждый день там не раз пробегал, и ничего! А тут: шел себе спокойно, и раз – чувствуешь, что летишь вниз. Как будто толкнул кто-то. Но рядом-то никого и не было! Еще повезло, что сумкой за перила зацепился. А то бы как раз головой о ступеньки!

Конечно, рядом никого не было, во всем подъезде он был один. Но Алешка тогда готов был поклясться, что видел краем глаза какую-то черную тень рядом. Конечно, он потом решил, что это он увидел свою собственную тень, но ведь раньше сотни раз ходил там и ничего такого не видел! К тому же одновременно с появлением тени ему вдруг неожиданно сделалось очень холодно: прямо озноб пробил. И это в такую-то жару! И еще: было такое ощущение, будто этот холод прямо-таки выталкивает его к перилам. Привидится же такое!

Алешку даже передернуло ото всех этих воспоминаний. Ведь у него были такие планы на эти каникулы! А теперь лежи тут, скучай, ругай себя за неосторожность и гляди на этот

дурацкий портрет! Конечно, нога скоро заживет, но каникулы все равно испорчены. Будешь потом долго еле-еле ходить, как старичок.

Кот Маркиз не спеша прошествовал по коридору. Он заглянул в комнату, как показалось Алеше, с некоторым подозрением и отправился дальше. Раньше Маркиз больше всего любил спать именно в этой комнате. Быть может, потому, что Алешка никогда его не гонял и позволял располагаться там, где ему заблагорассудится, хоть на подушке. А в последнее время Маркиза словно подменили: его комнаты он избегал почти так же, как ванной. Но с ней-то все понятно: Маркиз боялся воды. А вот почему в комнату не заходит? Что ему там не нравится? Тоже, предатель! Хозяину скучно лежать, а он даже не подойдет сам!

– Кис-кис-кис! – позвал Алешка.

Маркиз громко мурлыкнул, постоял в нерешительности в дверях и все-таки прошел в комнату. Причем делал он это совсем не как обычно, важно и уверенно, словно какой-нибудь министр, а как-то бочком, по стенке, опасливо.

– Маркиз, что с тобой? – спросил Алеша, когда кот подошел к нему и дал себя погладить. – Чего тебе не нравится? Как будто боишься чего-то.

Алеша даже думал: а может, ему не нравится запах гипса или каких-нибудь лекарств? Это, конечно, многое могло бы объяснить, но когда Алешка на костылях перебирался в другую комнату, Маркиз с удовольствием прыгал ему на колени. Нет, просто в комнате что-то не так. Вот только что?

Маркиз, словно намекая на то, что ему не нравится, смотрел на противоположную стену, от которой и старался все время держаться подальше. Ну и что? Стена как стена, ничего особенного. Вот только этот чертов портрет... Да нет, ерунда все это! Ну, подумаешь, рамка дурацкая! Что же теперь: шарахаться от нее, что ли? Конечно, говорят, что животные гораздо острее, чем люди, ощущают что-то нехорошее, потустороннее. Но в такие вещи Алешка совершенно не верил.

И все-таки что-то явно было не так. В последнее время вообще все шло наперекосяк. Причем не только у него. Неприятности буквально так и сыпались на его ровесников. Взрослых и малышей они, казалось, просто обходили стороной. Когда к ним приходила участковый врач, то Алеша слышал, как она жаловалась маме, что в их районе прямо-таки эпидемия травм и тяжелых болезней у подростков. Врачи прямо с ног сбиваются. Вроде бы случаи у всех разные, но медикам от этого не легче, а даже тяжелее.

Алеша даже с каким-то злорадством подумал, что вот, не одному ему болеть, и тут же устыдился своих мыслей. Если тебе плохо, это же не значит, что плохо должно быть и всем остальным! К тому же, если все кругом разболеется, то и зайти к нему будет некому! И останутся из развлечений только телевизор и книги. Он, конечно, не прочь почитать что-то и посмотреть, но не целыми же днями!

Алешке вдруг подумалось, что в этой, своей комнате он чувствует себя хуже, чем в остальных местах: и больная нога больше ноет, и голова какая-то тяжелая. В ноге, словно отзываясь на эти мысли, что-то больно кольнуло. И в этот момент Маркиз неожиданно злобно зашипел. Шерсть у него стала дыбом, спина выгнулась, а глаза сделались какими-то настороженными и даже испуганными. Для такого доброго и воспитанного животного это поведение казалось очень странным.

– На что ты злишься? – спросил его Алеша, как будто кот мог ответить.

Маркиз, разумеется, ничего не отвечал, а только смотрел на противоположную стену с фотографиями.

– Ну вот, и тебе этот снимок не нравится! – обрадовался мальчик. – Хоть кто-то меня понимает! Пойдем-ка лучше в зал!

Алеша взял костыли и вышел из комнаты, а обрадованный Маркиз последовал за ним. Только в дверях кот обернулся и еще раз угрожающе зашипел, словно пытаясь прогнать кого-то невидимого.

Хорошим сном Алеша тоже в последние дни похвастаться никак не мог. Раньше он засыпал очень быстро, едва голова касалась подушки. Теперь же каждый раз долго приходилось себя уговаривать поскорее заснуть. Все было как-то неудобно. А со сломанной ногой лишней раз не поворочаешься. Конечно, быть может, заснуть как следует не получалось именно из-за больной ноги, и скорее всего, наверное, так и было. Но ведь той ночью, которую пришлось провести в больнице, все было нормально!

И сны в последнее время городились какие-то совершенно дурацкие. От снов, разумеется, трудно ждать чего-нибудь особо умного. Особенно если ты не Менделеев, которому по ночам открытия снились¹. Но раньше хоть не страшно было, и более-менее понятно. Теперь же – сплошные ужасы. Алеша слышал о врачах, которые занимаются объяснением снов (их еще психоаналитиками называют). В последнее время он думал, что неплохо было бы дать его сны такому специалисту для изучения.

И ладно бы просто снилась всякая чушь. Так еще же и озноб при этом бьет, несмотря на все одеяла и лекарства. В конце концов, он же никогда не был трусом, чтобы так пугаться! Даже наоборот, среди одноклассников он считался почти что смельчаком. Да и любой ужастик мог посмотреть перед сном, и ничего, засыпал спокойно, и в темноте ничего не мерещилось. А тут все какие-то призраки, покойники, могилы, и вообще черт знает что такое!

Что плохо в снах, так это то, что никогда не получается проснуться по собственному желанию. Ведь ты же в этот момент просто не знаешь, что это сон. Неприятное кино можно выключить и не смотреть, а тут уж, будь добр, досматривай все до конца, хочешь ты этого или не хочешь. Да еще иногда такая гадость привидится, какой в реальной жизни и не бывает. Уж лучше бы вообще снов не видеть, чем это!

Сегодня Алешка тоже ложился в постель безо всякого удовольствия. Перед тем как погасить свет, он зачем-то внимательно огляделся по сторонам, будто опасался кого-то, притаившегося в комнате, а еще показал язык фотографам, висевшим на стенке. Настроение от этого слегка улучшилось, хотя и стало немного неловко. Все-таки он давно уже не в детском саду, чтобы такими глупостями заниматься!

Сон оправдал самые неприятные ожидания. Он был еще похлеще тех, что Алешка видел в последнее время. Утром он решил даже его записать, чтобы поразмыслить над этим на досуге.

Итак, во сне мальчику казалось, что это он, но в то же время и кто-то другой: вообще не поймешь кто! Ему даже чудилось, что в нем собралось как бы множество людей. Всем им было плохо, все они хотели откуда-то выбраться, но вот откуда и зачем, Алешка так и не понял. Он только ощущал, что находится в темном и тесном месте, похожем на какую-то пещеру. Больную ногу что-то крепко сжимало, поэтому мальчик не мог даже толком пошевелиться.

– Теперь вы привязаны ко мне и вам не выбраться! – вещал неприятный, глуховатый мужской голос.

Алешка готов был поклясться, что где-то уже слышал этот голос раньше. Конечно, в том, что во сне появляются именно те голоса, лица, которые когда-то слышал и видел, нет ничего удивительного, именно так обычно и бывает. Но хорошо бы знать, кому этот голос принадлежит.

¹ Как известно, великому русскому химику Д. И. Менделееву приснилась его знаменитая периодическая таблица химических элементов, прославившая его имя.

– Один щелчок, маленькие детали, и порядок. Вы пленники, – продолжал тем временем голос. О чем он ведет речь, было совершенно непонятно, но слова звучали угрожающе. Очень уж не хотелось быть куда-то привязанным из-за какого-то непонятного щелчка.

Мальчик во сне чувствовал, что становится все слабее и слабее. К тому же на него как будто что-то давило. Потом давление становилось все сильнее и начался уже ставший привычным озноб.

Когда Алеша все-таки сумел проснуться, то у него просто зуб на зуб не попадал. И это несмотря на то, что он кутался в одеяло, хотя в другое время в такую погоду и под одной простыней было бы жарко. Наверное, и давило на него во сне именно одеяло. Даже выбраться из-под него сразу не получилось. Но вот почему холод? Мальчик в который уже раз померил температуру, но градусник издевательски показывал тридцать шесть и шесть, упорно не желая ничего объяснять.

Вдобавок еще что-то случилось с языком. Он как раз весь горел, как если бы на него положили жгучий перец. А уж по ночам Алеша точно никакого перца не ел! В конце концов мальчик решил, что во сне язык просто случайно прикусился.

Что же касается самого сна, то со сломанной ногой волей-неволей почувствуешь себя привязанным. Так что действительно получается: один щелчок ломающейся кости, и ты как на привязи. Алешка за время болезни проникся очень большим сочувствием к тем собакам, которые вынуждены сидеть в любую погоду на цепи. Ведь когда ты здоров и к тому же у тебя нет ни книг, ни телевизора, то это должно быть еще труднее и неприятнее.

Конечно, объяснения с одеялом и прикусыванием языка были совсем не плохие, но Алеша чувствовал, что они едва ли полностью верны. Оставалось впечатление, что вокруг происходит что-то странное, тревожное и пугающее, но вот что именно – понять никак не получалось.

Глава II

Предупреждение

Утром Алешку пришел навестить его лучший друг, Антон. Надо сказать, что друзья не забывали больного и приходили к нему довольно часто, чтобы подбодрить. В такую замечательную, теплую погоду никому не хотелось сидеть в душной городской квартире, и Алешка тем более ценил такую заботу. Антон был очень веселым и совершенно не унывающим человеком. Энергия у него буквально была через край. Даже говорил он так: быстро, громко и отрывисто. Его даже за глаза иногда называли пулеметом. От общения с ним настроение поднималось очень быстро и надолго, а время пролетало незаметно. Но сегодня он был весь какой-то грустный и встревоженный, и никаких хороших новостей не принес.

– Прямо эпидемия какая-то! – выпалил он в ответ на Алешкины расспросы.

– А что такое? – поинтересовался больной. – Еще кто-то заболел?

– Да больше половины класса больные сидят! А остальных все это как будто стороной обходит... – отвечал Антон.

– Что, действительно эпидемия? Вроде для гриппа совсем не время...

– Про эпидемию это я так, для красного словца, – сказал Антон. – Никакой эпидемии. У всех болезни разные, но одновременно. Прямо чертовщина какая-то! – резюмировал он и закашлялся.

– Чего это с тобой, ты тоже заболел? – спросил Алешка.

– Вот еще, глупости! – возмутился Антон и снова закашлялся. – Это я, наверное, вчера просто мороженого переел. Или перекупался, когда на дачу ездили. Кстати, чуть не забыл! – хлопнул он себя по лбу. – Я тебе тоже мороженое принес. Твое любимое, фруктовое. Ешь, пока не растаяло! – И побежал в прихожую за своим пакетом, где и лежало купленное мороженое.

О себе Антон тоже не забыл, и, несмотря на периодические приступы кашля, упрямо поглощал свою порцию.

– Раз горло не болит, значит, можно! – оправдывался он. – И вообще: говорят, что если не обращать на болезнь никакого внимания, то все гораздо быстрее проходит!

– Попробуй не обращай внимания на сломанную ногу! – проворчал Алешка. Но настроение от присутствия друга у него быстро улучшалось. – Так что там у кого стряслось? – продолжил он, расправившись с мороженым. – Ну, у тебя-то кашель какой-то, а у других?

– Кашель – это ерунда! – возмутился Антон. – Я себя больным не считаю! А вот у других... Посуди сам: братья Петровы из соседнего подъезда вчера на лодке катались и перевернулись. Димке еще даже веслом по башке попало. Еле вытащили! Воды, конечно, наглотались, но ничего страшного нет. Вот только теперь на лодочной станции обещали строго следить и лодки выдавать только по паспорту. – Антон вздохнул. – Так что теперь без родителей и не покатаешься!

– С ними неинтересно! – отозвался Алешка. – Даже в воду попрыгать не дадут! Да еще поди уговори их!

– А Колька недавно с велосипеда слетел, – продолжал Антон. – Прямо через руль и головой вперед! Лежит теперь с сотрясением мозга. К нему пока что даже не пускают. Так что тебе с ногой еще повезло по сравнению с ним!

Алешка что-то проворчал, но согласился. Со сломанной ногой хотя бы читать и телек смотреть никто не мешает. А с сотрясением мозга небось ничего этого нельзя. Но в том, что Колька свалился, ничего удивительного не было. Хотя он и здорово катался, но любил

полихачить. Наверное, выполнял на велосипеде какой-нибудь очень сложный трюк перед девчонками или малышами, вот и довыпендривался!

– Говорят, что такие дни бывают, когда у людей больше травм, – сказал Алешка, вспомнив какую-то телепередачу. – Вот только не помню, как они называются.

– Ну да! Тогда бы в какие-то дни в больницах проходу бы не было! – отозвался Антон.

– А сейчас что, есть? Сам же говоришь, что за несколько дней столько всего случилось!

– Ну, у остальных-то не травмы, а самые обычные болезни, – возразил Антон. – И у всех разные.

– А еще у кого? – спросил Алешка.

– Я же тебе говорю, полкласса! И это еще не считая тех, кто разъехался. Что с ними, вообще неизвестно, – ответил Антон. – Тут проще здоровых перечислить! Вот Анька, например, вообще лежит дома, вся бледная, слабая, а что с ней – никто понять не может. Делают-делают всякие анализы, а толку – никакого. Наверное, в центральную больницу повезут, на обследование.

– Аня? – Алеша был неприятно поражен. Она была самой жизнерадостной и веселой девчонкой в классе, и представить ее бледной и грустной было очень трудно. К тому же... Она просто очень нравилась Алешке, и он втайне надеялся, что она как-нибудь навестит его или хотя бы позвонит. Он решил, что теперь надо обязательно сделать это самому. – Что это за врачи! – стал возмущаться он. – Только важничают, а понять ничего не могут!

– Сам-то много понимаешь! – скептически усмехнулся Антон. То ли он не понимал Алешкины чувства, то ли ему просто не понравилось, что тот зря обвиняет людей. Действительно, далеко не каждую болезнь так легко распознать, даже с самым современным оборудованием, не говоря уж о том, чтобы вылечить!

– Нет, надо что-нибудь придумать! Так же нельзя! – разволновался Алешка. Если бы не сломанная нога, он бы сейчас ходил взад-вперед по комнате, как любил это делать, когда был взволнован или когда о чем-то думал.

– Ты про других-то дослушай! – продолжил Антон.

– Так я и слушаю! – ответил Алеша. – Только что толку слушать! Тут надо что-то делать, решать...

– Ну, решай, раз ты такой крутой доктор! – рассердился Антон. – Хотя, – он махнул рукой, – сам не знаю, о чем тут рассказывать. У всех болезни какие-то странные. Причем у одних, как у Аньки, вообще не поймешь что, а у других – не лечится ни черта или лечится плохо.

– У меня тоже, говорят, нога медленно срастается, – со вздохом сказал Алеша. – Так и все каникулы пройти могут!

Настойчивый звонок в дверь прервал разговор. Звонящий жал на кнопку беспрерывно, да еще иногда стучал от нетерпения в дверь не то кулаками, не то ногами. Вообще-то родители многократно убеждали Алешку ни в коем случае не открывать дверь, не посмотрев в глазок. Как будто он был совсем маленьким и сам этого не знал! («Они бы еще сказку про семерых козлят рассказали!» – иногда возмущался он.) Но, надо признаться, напоминания эти не были лишними. Алеша часто пренебрегал этими советами, особенно если кого-то ждал в гости.

На этот раз такая настойчивость звонящего его очень насторожила. Но, с другой стороны, чего бояться, раз они вместе с Антоном, который, между прочим, увлекался боксом (правда, весовая категория у него была совсем небольшая) и даже побеждал в прошлом году на городских соревнованиях. К тому же, по здравому рассуждению, кто-то чужой едва ли стал бы так ломиться в дверь. Например, преступник, чтобы обмануть хозяев, скорее всего попытался бы представиться каким-нибудь водопроводчиком или страховым агентом, или еще кем-нибудь, кто вынужден по своим служебным обязанностям ходить по домам.

Ну а беспечный Антон, казалось, вообще никого не боялся. Поэтому дверь ребята открыли довольно спокойно. Едва дверь отворилась, как с лестничной клетки в нос ударил запах перегара. Это был Алешкин сосед по подъезду, дядя Семен, как всегда пьяный. Мальчишки мысленно рассмеялись, представив себе, что бы сейчас сказала мама, будь она дома!

Несмотря на алкогольные наклонности дяди Семена, к нему почти все относились хорошо. Он был неплохим мастером и зарабатывал себе на жизнь разным мелким ремонтом. Во время работы он становился очень сосредоточенным и надевал очки на веревочке. Кто-то прозвал его «Джузеппе – сизый нос», потому что он в эти моменты напоминал столяра из сказки про Буратино. Даже напиваясь, он никому не причинял вреда, ничего не портил, не мусорил в подъезде и во дворе. Разве что любил иногда орать песни. Соседи его, как правило, жалели, иногда посмеивались над ним, хотя и ворчали порой на «этого алкаша». Почему-то дядя Семен нравился детям и собакам. Наверное, за свою безобидную веселость.

Но разгневанным он мог быть страшен. Такое случилось, например, этой зимой, когда на их улице устроили облаву на бродячих собак. Дядя Семен тогда, несмотря на мороз, выскочил на улицу в одной рубашке, тренировочных штанах и тапочках на босу ногу и в течение какой-то минуты обратил «собачников» в позорное бегство. Его потом за это забирала в милицию, но он только гордился своим поступком и говорил, что если ловцы собак еще раз сюда сунутся, то так легко не отделаются!

В этот раз дядя Семен выглядел страшно взволнованным и очень сердитым. Ребятам даже на мгновение стало страшно, но тут же стало ясно, что гнев направлен отнюдь не на них. «Джузеппе» потрясал кулаками, грозя непонятно кому, и говорил не очень связные слова. Алешка с Антоном не скоро уяснили, что он хочет им сказать и зачем пришел.

– Ты не бойся! – начал он свою речь, и тыкая грязным указательным пальцем в грудь Алешке.

– А чего это я должен бояться? – осторожно спросил мальчик.

– Он за это, – дядя Семен показал на сломанную ногу, – заплатит! Впредь nepовaдно будет! – И от избытка чувств добавил несколько крепких слов.

– Кто заплатит? – не понял Алешка. – Я же сам упал! Никто меня не толкал!

– Ха! Сам! – хрипло рассмеялся сосед. – Это тебе так кажется! Ничего ты не понимаешь! Но ничего, я его выведу на чистую воду! – И он погрозил кулаком куда-то в сторону.

– Кого, дядя Семен? – вмешался в разговор Антон и опять закашлялся.

– И ты не бойся! – теперь дядя Семен ткнул пальцем в грудь Антона.

– А я и не собираюсь бояться! – насупился он. В чем, в чем, а в трусости его точно никто обвинить не мог бы. – Чего это мне бояться! Никогда не боялся, а теперь вдруг испугаюсь неизвестно чего. – И снова раскашлялся.

– Вот этого! – сказал дядя Семен и поднял палец вверх, словно требуя обратить внимание на особо глубокую мысль. – Думаешь, это все случайно? – И он загадочно усмехнулся, словно знал и понимал нечто, что недоступно остальным.

– И что же это, всех заразил какой-то злодей? – не удержался от иронии Антон.

– Все не так просто! – опять поднял палец дядя Семен. – Но вы не бойтесь! Теперь этим займусь я! Он у меня попляшет. – Сосед опять потряс кулаком и добавил несколько неприличных слов. Будь этот кто-то сейчас здесь, ему явно пришлось бы несладко. – Пусть не думает, что я такой простачок, как эти, как их...

– Как кто? – в один голос спросили ребята, заинтересовавшиеся пьяным монологом.

– Врачи! Вот кто! – выпалил дядя Семен.

– Ну, вы, конечно, совсем не такой! – поспешил успокоить его Алешка, еле сдерживая смех. Представить себе непутевого соседа рядом с их аккуратной участковой докторшей действительно было смешно.

– Если я тут не разберусь, то вы все перемерете! – совершенно серьезно заявил дядя Семен. – Или инвалидами станете. А я этого не хочу! Так-то!

– А что мы должны делать? – спросил Антон, которому эта болтовня уже стала надо-едать.

– Смотреть в оба! – ответил сосед очень торжественным и важным тоном. – А я его выведу на чистую воду!

– Кого? – спросили ребята хором, пытаясь хоть что-то понять из пьяной болтовни.

– Ишь чего надумал! Чтобы дети болели! – продолжал выступать дядя Семен, все больше и больше распаясь. Вопросы он, казалось, не слышал или же не захотел на него отвечать. Этим он отдаленно напомнил Алешке с Антоном одного из учителей, физика Сергея Сергеевича, который, когда какой-нибудь вопрос не нравился ему или же когда он просто не знал, как на него ответить, делал вид, что его не слышит.

– А я тоже хорош! – перешел дядя Семен на самокритику. – Мне бы эти вот руки, – он указал сначала на левую, а потом на правую, – отрубить следовало.

– Это за что? – поинтересовался Антон.

– За то, что я сделал! – объяснил дядя Семен, хотя понятнее его слова от этого отнюдь не стали.

– А что вы сделали? – настаивал Антон. Но дядя Семен опять не стал отвечать.

– Ничего! Теперь я его сам вот этими руками! – продолжил он и снова сжал кулаки. – Он у меня попляшет, повизжит!

Дядя Семен говорил так громко, что из соседней двери высунулась любопытная соседка, тетя Клава. То ли через дверь ей было не все слышно, то ли захотелось увидеть своими глазами, что здесь происходит (дверной глазок, как видно, не давал желаемого обзора).

Увидев сжатые кулаки, она сначала испугалась и даже слегка взвизгнула, но, увидев, что угрозы соседа ее совершенно не касаются, тут же набросилась на него с упреками. Мол, сам пьет, так еще и к детям пристаёт. Чего доброго, и они такими же станут!

– Ничего ты не понимаешь! – сказал дядя Семен сочувственным голосом. А потом подумал и добавил: – Ты лучше не вмешивайся: это мужские дела!

Тетю Клаву такое замечание очень задело, и она не только не замолчала, но и высказала соседу все, что думает о нем и о его поведении. Старый пьяница только махнул рукой (скандалов он, в отличие от тети Клавы, очень не любил) и нетвердой походкой направился вниз по лестнице. Но потом он обернулся и еще раз сказал ребятам очень серьезным голо-сом: «Смотреть в оба!» Затем он погрозил кому-то невидимому кулаком и скрылся из виду.

– О чем это он? – спросила тетя Клава у ребят. В чем дело, она, конечно, так и не поняла. И немудрено: даже у ребят, которые слушали дядю Семена с начала до конца, в головах все перепуталось от его странных слов.

– Не знаю, тетя Клава, – как можно более вежливым голосом ответил Алеша. – Наверное, просто напился и говорит не поймешь что.

– До горячки допился! – всплеснула руками соседка. – А ведь такой был мастер когда-то! А вы с ним поосторожнее! – добавила она, обращаясь к ребятам. – Этот ничему хорошему не научит! Лучше бы вам вообще с ним не разговаривать!

Антону хотелось сказать, что с кем разговаривать, а с кем нет, он будет решать сам, но потом он все же просто промолчал. Связываться со сплетницей, которая потом растрезвонит всему двору, какой он грубиян, сильно не хотелось.

Алешка уже устал стоять в дверях со своими костылями, поэтому он вежливо попрощался с тетей Клавой и пошел обратно в квартиру, а следом за ним отправился и Антон. Ребятам хотелось обсудить между собой произошедшее.

Глава III

Опасные происшествия

– Как думаешь, есть какой-то смысл в том, что он наболтал? – спросил Алешка у друга. Конечно, слова пьяного можно было и не воспринимать всерьез, но он почему-то был озабочен. Уж очень серьезным и уверенным в своей правоте казался дядя Семен.

– Мне кажется, что зря он болтать не станет! – подал голос Антон. Действительно, несмотря на пристрастие к алкоголю, болтуном и фантазером дядю Семена назвать никто не смог бы.

– А ты понял чего-нибудь? – поинтересовался Алешка.

– Почти ничего! – признался Антон. – Надо бы расспросить его, когда немножко протрезвеет, – добавил он.

– Попробуй! – с сомнением сказал Алеша. – Только долго же тебе придется этого дожидаться!

– Это точно! – хихикнул Антон, но тут же посерьезнел. – И все-таки мне кажется, что у нас происходит что-то нехорошее. И он, похоже, знает больше остальных.

– Не так уж это и трудно, если остальные вообще ничего не знают! – проворчал Антон. – Ну, ладно, ты тут выздоравливай, а я, пожалуй, пойду, – продолжил он. – Может, еще чего-нибудь узнаю. Тогда приду – расскажу.

И он, насвистывая какой-то мотивчик (Алешка его не смог узнать, потому что со слухом у Антона было неважно, и этот мотив в его исполнении непросто было бы узнать даже автору), легко побежал по лестнице вниз. Алешке на мгновение даже стало завидно. Когда еще он сам сможет так бегать!

А потом его взгляд упал на то место, где он так неудачно упал. Алеше захотелось еще раз его осмотреть. Ну должна же быть хоть какая-то причина падения! Что он, пьяный или больной просто так падать?! Мальчик осторожно, опираясь на костыли, спустился на несколько ступенек. Место падения выглядело совершенно обычно. И освещено оно было не хуже, чем остальной подъезд, и все было достаточно чисто. Конечно, в тот день могло быть и по-иному, но Алеше казалось, что никаких изменений вообще не произошло.

Вдруг он почувствовал, что в его груди нарастает какое-то неприятное ощущение. Сначала это было просто чувство легкой тревоги, но постепенно оно переходило в страх. Алешка тут же обругал себя за это ощущение. Ведь поблизости никого не было, а значит, и бояться нечего. Подумаешь, завалился здесь когда-то. Что же теперь, по лестнице больше никогда в жизни не спускаться?!

И вдруг ему показалось, что вокруг резко потемнело; его словно накрыло какой-то тенью. Конечно, в их доме в последнее время случались скачки электрического напряжения, так что ничего особенного тут, казалось, не было; свет довольно часто становился менее ярким и даже вообще гас, только на сей раз Алеша чувствовал, что дело тут явно не в напряжении.

И тут на него повеяло холодом, и он ощутил на плечах жуткую тяжесть, словно на него наваливается нечто огромное. Мальчик не в силах был пошевелиться. Более того, он ощущал, что с каждой секундой слабеет, и его руки готовы уже выпустить костыли. А это неминуемо означало новое падение, а какие последствия будут на этот раз, предсказать было трудно.

Костыли все-таки выпали из рук, но Алеша каким-то чудесным образом успел ухватиться за перила и вцепился в них что было силы, до боли в руках. Какая-то сила продолжала давить на него, и мальчик понимал, что долго так не выдержит. Он даже пожалел в этот

момент, что мало занимался физкультурой и мог провисеть на турнике совсем немного времени. Эх, оказаться бы сейчас на уроке физкультуры, где разжатие рук не грозит никакими последствиями, кроме разве что смеха одноклассников и приземления на гимнастический мат!..

Внизу хлопнула входная дверь. И тут тяжесть, давящая на плечи мальчика, внезапно отпустила. Видимо, эта сила почему-то не любила свидетелей и предпочитала расправляться со своими жертвами один на один. Раздался все тот же свист: по лестнице снова поднимался Антон.

– Чего это с тобой? – удивленно спросил он, увидев Алешку, вцепившегося в перила.

– Да я... это... опять чуть не упал. – Алеша не мог подобрать слов, чтобы объяснить другу, что же с ним произошло. Да и во рту так пересохло от волнения, что язык просто еле ворочался.

– Куда же ты отправился, раз еще такой слабый! – укоризненно сказал Антон, словно какой-нибудь взрослый, читающий нотацию непослушному ребенку. – Сейчас бы полетел опять, и собирай тебя потом по кусочкам! Если бы я свой пакет не забыл и не вернулся, неизвестно, чем бы все кончилось!

Он поднял костыли и подал их Алешке, но тот не в силах был оторваться от спасительных перил. Ему казалось, что если он отпустит их хоть на мгновение, то давящая тяжесть вернется и он неминуемо упадет. Наконец мальчик все-таки, хотя и с большим трудом, сумел разжать одну руку и взять костыль. Со второй уже было как-то проще. Вернувшись в квартиру, Алешка повалился на диван и долго-долго переводил дух.

– Так какого черта тебя туда понесло?! – не унимался Антон, который тоже перенервничал.

– Сам не знаю. Что-то потянуло, – пробормотал Алешка. – Посмотреть захотелось...

Он никак не мог решить, рассказывать ли другу о том, что чувствовал на лестнице. Не то чтобы он ему не доверял, но теперь, в уютной квартире, все это казалось абсолютно нереальным и фантастичным. Ему и самому уже трудно было поверить в то, что произошло каких-то пару минут назад. А уж как Антону будет трудно поверить! Подумает еще, что он рехнулся или что глюки пошли из-за каких-то лекарств!

– Ну, вот и посмотрел! – проворчал Антон. – Давай сиди дома, а я все-таки пойду. А то уже и обедать скоро пора...

Алешка не мог не улыбнуться. Дело в том, что к еде Антон относился очень серьезно, и пропустить обед или хотя бы немного его отложить было для него серьезным испытанием.

Антон снова засвистел свой мотив и вышел из квартиры, оставив Алешку размышлять, что же все-таки произошло с ним на лестнице. Мальчик перебрал все, что пришло в голову: от привидения до какого-нибудь инфразвука, вызывающего у людей чувство ужаса, но ни к какому выводу так и не пришел. Все казалось совершенно неубедительным, и в глубине души он чувствовал, что причина кроется в чем-то другом.

Долго поразмышлять не удалось. Алешку отвлек какой-то шум во дворе. Он высунулся в окно, и увиденное на улице чрезвычайно поразило его. По двору бегал Антон, возбужденно размахивая руками и что-то кому-то объясняя. Вскоре к нему присоединился неизвестно откуда взявшийся дядя Семен, и он, так же размахивая руками, стал что-то доказывать Антону. Алешка изо всех сил напрягал слух, но он жил слишком высоко. К тому же этажом ниже громко играла музыка, поэтому разобрать, о чем идет речь, он никак не мог. Из других окон также повысовывались любопытные, пытающиеся понять, что же здесь произошло.

Антон поднял с земли какой-то кирпич, и Алешке на мгновение показалось, что он собирается запустить в кого-то этим камнем. Но тот просто продолжал держать камень, продолжая размахивать руками. Выглядело это не то комично, не то устрашающе. К тому же дядя Семен поднял другой кусок кирпича и тоже энергично им размахивал.

Какая-то бабулька, решив, что мальчишка и пьяного вида дядька собираются драться, стала громко звать милицию. Спорящим связываться с милицией не хотелось, поэтому они быстро бросили куски кирпича. Дядя Семен остался во дворе. Он что-то громко и несвязно выкрикивал, воинственно потрясая кулаками. Антон же вновь пошел к Алешке. Ему не терпелось рассказать о том, что с ним только что произошло. То, что он даже забыл об обеде, показывало, что случилось нечто экстраординарное.

– Представляешь! – рассказывал Антон, расхаживая, почти что бегая по комнате. – Иду я себе спокойно, насвистываю. И вдруг как кто-то заорет дурным голосом: «Стоять!» Ну и еще несколько слов добавил. Это, конечно, дядя Семен был. Я от неожиданности встал как вкопанный. А меня будто что-то в спину толкнуло, еле устоял на месте. Но я хотел узнать, чего это наш пьяница орет, чего это он тут раскомандовался, поэтому на месте остался.

– И тут, – Антон сделал драматическую паузу, – прямо передо мной на асфальт плюхается кирпич. Даже вмятина осталась. Бу-бух! – Антон изобразил падение кирпича со звуками и гримасами, чтобы Алешке было понятнее. – Ты представляешь! – радостно продолжал Антон. – Еще бы шаг, и этот кирпичон точно мне по башке угодил бы! И тут уже бабушка надвое сказала: отделался бы сотрясением мозга или вообще коньки отбросил бы!

Было похоже, что Антон пока что не оправился от шока, а потому даже не осознавал еще толком, какая страшная опасность ему только что грозила.

– Его чуть не убило, а он радуется! – проворчал Алешка. – Ты скажи, чего ты такой довольный?

– Но ведь не убило же! – резонно заметил Антон.

– Так-то оно так, – с сомнением покачал головой Алешка. – Но пыталось же! Ведь просто так кирпичи с крыши не падают!

– Ну, мало ли, ветер подул! – отмахнулся Антон. – Правда, что-то прохладно в тот момент стало...

– Какое ветер! Ты в окно погляди! Листья даже не колышутся! Можно сказать, полный штиль!

– Ну так кошка пробежала и столкнула! – беспечно заявил Антон.

– А откуда дядя Семен об этом знал? – вдруг спросил Алешка. – Он что, за этой кошкой следил?

– Это, конечно, вопрос! – посерьезнел Антон. – Кстати, ведь он меня просто спас. А я от волнения даже спасибо не сказал.

– Неплохо бы узнать, каким это образом он тебя спас, – задумался Алешка. – А когда вы с ним во дворе орали, он ничего такого не говорил?

– Да черт его знает, о чем мы орали! – почесал в затылке Антон. – Я так разнервничался, что теперь толком вспомнить не могу. Помню, дядя Семен сильно ругался, что он, дескать, предупреждал, а я не послушался! Как будто он против кирпичей меня предупреждал!

– Ну а ты что? – спросил Алешка.

– Ну а я, кажется, орал, какой идиот здесь кирпичами кидается, – ответил Антон. – Эх, надо было сразу дядю Семена расспросить! Хотя он так пьян, что сейчас от него все равно ничего не добьешься!

– А больше он ничего не говорил?

– Опять кричал, чтобы мы смотрели в оба и других предупредили, – вспоминал Антон. – Ну а потом пообещал пойти и засветить кому-то этим самым кирпичом.

– Не хотел бы я быть на месте этого кого-то! – усмехнулся Алешка, вспоминая, что в гнев дядя Семен может быть действительно страшен.

– Знаешь что, слазаю-ка я на крышу и посмотрю, что там к чему, откуда кирпич взялся! – решил вдруг Антон.

– Ты что, с ума сошел?! Одному туда лезть! – разволновался Алешка.

– Ну и что такого? Подумаешь! Что я, на крыше не бывал?! – ответил Антон, к которому вернулась его обычная самоуверенность.

– А если там кто-то есть?

– Значит, этот кто-то получит у меня по первое число! – нахмурился Антон, показывая кулаки. – Я в себя кирпичами кидаться не позволю.

– Так он же тебя сбросит оттуда может! – пытался втолковать ему Алеша.

– Не дрейфь, все в порядке будет! – ответил Антон. – Это еще кто кого сбросит. – И, не слушая дальнейших протестов друга, он затопал вверх по лестнице.

Алешка, приоткрыв дверь, с волнением прислушивался к его шагам. О том, чтобы идти за Антоном, не могло быть и речи. Да даже если бы он и добрался до верхней площадки, то взобраться на чердак со своими костылями без посторонней помощи представлялось совершенно нереальным.

– Черт возьми! Там все закрыто! – разочарованно произнес Антон, спускаясь вниз. – То ли у этого гада есть ключи, и он уже успел удрать, пока я тут разговаривал, то ли действительно какая-нибудь кошка постаралась. Не нравится мне все это! – добавил он, немного подумав и почесав в затылке.

– Кому ж это понравится! – поддержал Алешка. – Так скоро вообще весь класс будет по больницам валяться. Надо все-таки дядю Семена поспрашивать: вдруг добьемся чего-нибудь?

– Попробовать можно! – согласился Антон.

Но сколько они ни стучали и ни звонили в дверь непутевого соседа, никто им не открыл. То ли дядя Семен уснул и ничего не слышал, то ли он отправился с обломком кирпича исполнять свое обещание наказать кого-то загадочного.

Глава IV

Фотография

Алеша снова остался один, и его взгляд опять упал на фотографию. По непонятной причине он проникался к этому снимку прямо-таки какой-то ненавистью. И чего он такой нервный и впечатлительный? Привязался к какой-то фотографии! Вот у нормальных людей, у Антона, например, наверняка ничего такого не бывает!

Мальчик стал вспоминать, откуда у них появился этот снимок. Как-то раз в классе, на родительском собрании, незадолго до конца учебного года, объявили, что в городе появился один очень хороший фотограф, который особенно любит делать детские портреты. У него это так хорошо получается, что некоторые его снимки даже попадают на выставки и публикуются в журналах. Причем делает это фотограф, так сказать, из любви к искусству, поэтому берет за работу много меньше, чем в любом ателье. А уж если получившееся фото ему чем-то особенно приглянулось, то может и вовсе отдать его бесплатно.

Их классный руководитель рассказал, что этот замечательный человек завтра придет в школу, и предложил всем желающим сдать деньги на снимки. Желающими за такую небольшую сумму получить качественный фотопортрет оказались почти все. Среди родителей нашлось только несколько скептиков или жадин, которые хотели сперва посмотреть, что же получится у других.

На следующий день фотограф действительно появился в школе. Выглядел он, надо сказать, довольно необычно, даже несколько смешно, но почему-то при взгляде на него смеяться никому не хотелось. Казалось, будто он сам сошел с черно-белого снимка прошлого или даже позапрошлого века. Очень серьезный и очень бледный, высокий и худой, в старомодном черном, наглухо застегнутом костюме, в широкополой черной шляпе, почти полностью скрывавшей лицо, с черным зонтиком-тросточкой, который держал в длинных руках. Фотограф производил очень странное впечатление, словно он был актер, играющий злодея. Он чем-то напоминал убийцу из комедии «Укол зонтиком». Зонтик у него, кстати, тоже был весьма необычный: ручка, сделанная из дерева и покрытая какими-то трещинками, черточками, составлявшими едва уловимые узоры. К тому же оставалось совершенно непонятным, кому нужен зонтик в такую ясную, солнечную погоду и черные перчатки на руках. Фотоаппарат, который фотограф принес с собой, тоже выглядел далеко не современно; это был большой ящик на трехногой подставке.

Странный фотограф явно не отличался многословием. Обычно фотографы бывают людьми довольно веселыми и общительными, но этот явно был не из их числа. Перекинувшись несколькими словами с завучем, он прошел в небольшой кабинет, который на время выделили для съемок, и приготовил свою аппаратуру. Ребята вызывали по одному, и случилось так, что Алешка попал туда одним из первых.

Едва войдя в комнату, мальчик почувствовал сильный озноб, словно открыл окно в тот момент, когда на улице крепкий мороз, или же сунулся в какой-то огромный холодильник. Алеша зябко поежился и огляделся по сторонам, пытаясь понять, откуда же идет такой холод, но ничего путного в голову так и не приходило.

Фотограф жестом пригласил мальчика встать у белого экрана, на котором в кабинете физики показывали учебные фильмы и слайды и который должен был служить фоном для фотографий. Конечно, снимки на белом фоне могли смотреться чересчур официально, но фотограф объяснил завучу и классному руководителю, что с помощью специальных фильтров он сделает так, что задний план будет выглядеть очень даже живо.

Алеша встал там, куда указывал мастер, испытывая странное волнение. Казалось бы, чего тут волноваться! Ведь на снимок ему было, по большому счету, наплевать: он же не какая-нибудь модель! Но волнение, как ни странно, не проходило. Быть может, таким образом на нервы действовали холод и странная фигура фотографа, колдующего над своим допотопным аппаратом? Ну и еще его тяжелый, немигающий взгляд, который словно гипнотизировал. Интересно, что фотограф не расстался со своей шляпой даже в помещении, так что рассмотреть толком его лицо и даже сказать, какого цвета у него глаза, было весьма затруднительно.

– Смотри на меня! – хрипло и глуховато проговорил фотограф, и Алеша почувствовал, как его глаза волей-неволей поднимаются к лицу фотографа. – И будь посвободнее.

Быть свободнее под таким тяжелым взглядом было делом отнюдь не легким, но мальчик вдруг с удивлением почувствовал, что действительно расслабляется. Он стал в какую-то очень свободную позу и неожиданно для самого себя улыбнулся. Именно в этот момент и сверкнула фотовспышка.

Тем не менее, несмотря на свою улыбку, Алеша вышел из комнаты с таким облегчением, словно только что покинул зубного врача. Разумеется, о своих ощущениях он распространяться не стал; а то еще подумают, что струсил ни с того ни с сего. Но Аня, фотографировавшаяся вслед за ним, молчать не собиралась.

– Не знаю, может, это и очень хороший фотограф, – заявила она, зябко передернув плечами, – но мне он не нравится. Смотрит так, словно и не человек вовсе! Да и говорит не поймешь каким голосом.

– Мало ли у кого какой голос! – сказал кто-то из тех, кто еще не успел сняться. – А смотреть профессионалы и должны не как все, а придирчиво!

– И вообще, там такой мороз, что хоть в мае шубу надевай! – продолжила Аня, не обратив внимания на возражение. – Интересно, откуда там такой морозильник взялся?

Многие из тех, кто побывал на съемке, говорили то же самое. И даже те, кто молчал, а то и вовсе отпускал шуточки, выглядели явно обескураженными. Словом, фотограф произвел на всех неприятное впечатление. Можно сказать, что этот день был испорчен. И когда мрачный фотомастер покинул школу, все вздохнули с облегчением.

Физик попросил Алешу унести экран из комнаты, где проходила съемка, обратно в физический кабинет. Когда мальчик снова зашел в эту комнату, ему показалось, что что-то здесь не так, изменилось. И только потом до него дошло, что температура воздуха с уходом фотографа вновь сделалась абсолютно нормальной, даже слегка жарковатой. Алеша хотел было спросить физика об этом странном явлении, но на что-то отвлекся, а потом и вовсе забыл об этом загадочном факте и вспомнил о нем только теперь...

Зато на следующий день на фотографа буквально не могли нахвалиться. Непонятно, каким образом он умудрился сделать снимки так быстро, но они понравились всем без исключения. Это были не просто портреты. Для каждого этот мастер нашел свою, характерную позу. Кто-то был изображен в полный рост, как Алешка, у кого-то было снято только лицо, но все фотографии были такими, что их хоть сейчас можно было бы опубликовать в каком-нибудь солидном журнале или же фотоучебнике. Причем все фото были уже в одинаковых рамках старинного стиля. Некоторым они могли бы показаться тяжеловатыми, но ведь у каждого свои причуды, и если мастеру захотелось сделать именно такую галерею портретов, то кто взялся бы его осуждать!

Те родители, кто не захотел сделать снимки сразу, разумеется, тоже захотели заказать фотографии у такого профессионала. Да и другие не прочь были сделать еще несколько портретов. Вот только с этим вышла загвоздка. Дело в том, что фотограф прислал снимки, но сам в школе больше так и не появился. И, как ни странно, ни у завуча, ни у классного руководителя не оказалось не только его адреса, но даже телефона. И, что самое интересное, ни

завуч, ни классная не могли вспомнить, как же его зовут. Они сходились на том, что имя было красивым и редким (фотограф представился только раз, когда предлагал свои услуги), но, сколько они ни перебирали имена, все выходило что-то не то.

Разумеется, желающие сниматься посчитали, что найти такого замечательного фотографа, да еще с такой незаурядной внешностью, в таком небольшом городе будет совсем не трудно. Но, как ни странно, все попытки оказывались безрезультатными. О нем никто ничего не знал. И даже видели-то его считанные единицы! Просто мистика какая-то! Оставалось думать, что это было причудой какого-то столичного мэтра, оказавшегося здесь проездом и решившего порадовать своим искусством местное население. Теперь его имя можно было узнать, разве что увидев какое-нибудь фото с подписью в журнале (этот странный человек специально оговаривал, что может использовать полученные кадры и для каких-то своих дел). Или же ожидать нового приезда.

О визите этого мастера еще некоторое время посплетничали, в потом забыли. Остались только фотографии в тяжелых рамках, которые висели теперь во многих квартирах. И на одну из которых и смотрел сейчас Алеша, вспоминая эту странную историю.

«А ведь неприятности-то начались почти сразу после этого!» – подумал он, и от этой мысли на душе почему-то стало еще тяжелее.

Глава V

Странная смерть

Вечером Антон позвонил ему и сообщил, что дядю Семена он найти так и не смог, а потому ничего нового узнать не получилось. Антон все еще находился под впечатлением от случившегося с ним и, насколько понял Алеша, успел рассказать об упавшем с крыши кирпиче всем вокруг. Алеша не удивился бы, если б завтра на крышу заявила какая-нибудь ответственная комиссия, чтобы проверить: почему же оттуда падают кирпичи.

Чем больше Алеша думал над произошедшим за день, тем больше он убеждался, что дядя Семен знает или, по крайней мере, подозревает гораздо больше, чем можно понять из его полупьяных речей. Значит, надо просто улучшить момент, когда он будет в лучшем состоянии, и как следует его порасспросить. Хотя, быть может, трезвый он и вовсе ничего не скажет? Интересно все-таки, о ком он так гневно говорил? И в чем он обвинял сам себя?

Утром дядя Семен тоже так и не объявился. Конечно, такое у него случалось и раньше. Порой он пропадал целыми неделями. Но почему-то в этот раз за судьбу соседа Алешке было тревожно. К тому же сказывалось нетерпение: надо же все-таки узнать, что он хотел сказать!

А днем прибежал взволнованный Антон. Он так спешил, что никак не мог отдышаться.

– Ты слышал, что случилось? – выпалил он с порога и остановился, переводя дух.

– Нет. А что? Опять кто-то кирпичами швыряется? – брякнул Алешка первое, что пришло в голову.

– Какими такими кирпичами! – отмахнулся Антон, уже привычно раскашлявшись. – Тут все гораздо серьезнее. Неужели еще не слышал?

– Нет, не слышал! Откуда я могу что-то узнать, если все время дома сижу! – рассердился Алеша. – Ну, говори же! Не тяни!

– Сосед ваш умер! – заявил Антон и снова замолчал, ожидая реакции на свои слова.

– Какой сосед? Их тут целый дом! Человек сто! – сказал Алеша, хотя, конечно, в душе прекрасно понимал, о ком идет речь.

– Какой-какой! Дядя Семен, вот кто! – сказал Антон одним духом. – Тот, который вчера меня, можно сказать, спас!

– А что же с ним случилось? – спросил расстроенный Алешка. – Выпил слишком много? – Произошедшее пока никоим образом не укладывалось у него в голове. Уж слишком жизнелюбивым и полным энергии казался еще вчера их сосед.

– Можно сказать, что и выпил слишком много, – нехотя согласился Антон. – Вот только в выпивке ли тут дело?

– Да ты расскажи толком, что произошло! – не выдержал Алешка.

– После нашего разговора понесло его зачем-то на кладбище, – начал рассказывать Антон.

Старое городское кладбище располагалось всего в нескольких минутах ходьбы от Алешкиного дома. Ребята время от времени наведывались туда, влекомые то жаждой приключений, то обычным любопытством. А иногда они заходили на кладбище вечерами – воспитывать силу воли. Там, конечно, было страшновато и довольно неприятно, но, если привыкнуть немного, ничего особенного. А уж для того, чтобы прятаться, это место было и вовсе идеальное. Помимо ребят этим местом интересовались бомжи и алкоголики, особенно после церковных праздников, когда с могил было чем поживиться.

– Ну и что! – сказал Алешка. – Его туда часто заносило. Мы его там несколько раз видели! Да он и подрабатывал там. Ты что, забыл?

Дядя Семен действительно иногда подрабатывал на кладбище: помогал устанавливать памятники, чинил ограды и делал разную мелкую работу. Так что ничего удивительного в том, что он там оказался, не было.

– Не забыл, – отмахнулся Антон. – Только на этот раз он оттуда не вышел.

– А что все-таки случилось?

– Говорят, оступился, упал и ударился головой о какой-то камень, – ответил Антон. – Такая вот нелепость.

– Жаль его, конечно, – помолчав, ответил Алеша, представив себе эту печальную картину. – Но ты же сам видел, в каком он был вчера состоянии. В таком и упасть немудрено.

– Так-то оно так, – согласился Антон, немного подумав. – Только как-то странно все это. Никогда не падал, а тут вдруг... Причем после того, как узнал какую-то тайну и кому-то угрожал! Это может быть не случайно!

– Ты побольше детективы и ужасы смотри! – возразил Алешка. Верить в то, что эта смерть была не случайной, он пока что категорически отказывался. Потому что, если бы это оказалось так, то... Это значило бы, что вокруг происходит нечто странное, пугающее и непонятное, причем они с Антоном были в это замешаны самым прямым образом.

– Думай что хочешь, но что-то тут нечисто! – ответил Антон. – И надо бы все разузнать. Ты пока что посиди здесь, а я на кладбище сгоняю, посмотрю, что там и как.

– Что же мне еще остается делать, как не сидеть здесь! – невесело усмехнулся Алеша. – Ты только давай побыстрее, а потом расскажи мне что к чему.

– Я мигом! – ответил Антон и затопал вниз по лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.